Степное население в Центральной Европе эпохи ранней бронзы, или путешествие туда и обратно

Представляем статью крупнейшего специалиста по степным культурам, проф. Одесского университета С.В. Ивановой, археолога из Одесского университета Д.В. Киосака и генетика, работающего в США, А.Г. Никитина. В статье представлена археологическая и культурная картина Северо-Западного Причерноморья эпохи энеолита — ранней бронзы и критический разбор гипотезы о миграции населения ямной культуры в Центральную Европу. Публикуем статью в трех частях.

С.В. Иванова

Д.В. Киосак

А.Г. Никитин

Часть I

Постановка проблемы

Иванова Светлана Владимировна, д.и.н., проф., Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова

Вопросы происхождения, развития, трансформации археологических культур часто связывают с перемещением групп населения на новые территории. Особое внимание представителями различных наук уделяется ямной культуре (ЯК), поскольку именно с ней ряд исследователей связывает миграцию предков индоевропейцев в Европу. Несмотря на то, что многие археологи отказались от концепции Г. Чайлда — М. Гимбутас об индоевропейском нашествии на запад «курганных культур», тем не менее существуют приверженцы точки зрения Н.Я. Мерперта о сложении ямной культуры в Волго-Уральском регионе и распространении её на другие территории. На основании сравнения геномных маркеров из останков представителей волго-уральской ЯК и представителей Европейских популяций от мезолита до бронзового века, западные археогенетики недавно предложили свой вариант концепции массовой миграции представителей этой культуры из южно-уральских степей в Центральную Европу (Haak et al. 2015).

Киосак Дмитрий Владимирович, к.и.н., Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова

Взгляд археологов. Анализ археологических данных, сопоставление их с результатами изотопного анализа, позволили нам прийти к определенным выводам, которые не согласуются с данной концепцией. С одной стороны, они связаны с географическим аспектом, который указывает на тот факт, что предполагаемая миграция демонстрирует масштабное переселение из одной географической зоны (восточноевропейская степь) в другую – зону лесов. Такое резкое изменение хозяйственной парадигмы является весьма сомнительным. Кроме того, на наш взгляд, основные связи прослеживаются между европейскими культурами энеолита — раннебронзового века и западным крылом ямной КИО (культурно-исторической общности) – в основном, с буджакской культурой Северо-Западного Причерноморья, а не с Волго-Уральским регионом (откуда брался материал для генетического исследования ЯКИО). Следовательно, исходной территорией, откуда могло ямное население продвинуться в Балкано-Карпатский регион и, возможно, в Центральную Европу, следует считать ареал распространения буджакской ЯК

Именно отсюда начинался «дунайский путь ямной культуры» (Wlodarczak 2010). Заметим, что и антропологические типы, характерные для Волго-Уралья, отсутствуют на западе Степного Причерноморья и в Степном Причерноморье в целом (Круц 1997), что еще более уменьшает достоверность существования «восточной прародины» ЯК. Не решен однозначно вопрос и о причинах переселения ямного населения на запад. Мы полагаем, что из имеющихся интерпретаций буджакской миграции вполне можно исключить такие объяснения, как: вынужденная миграция, военная экспансия, «первое крупномасштабное переселение эпохи бронзы» или «мощную волну степняков, которая ассимилировала на своем пути ряд местных культур» (Гимбутас 2006, с. 444; Дергачев 2000, с. 189, 190; Бочкарев 2002, с. 48; Коробкова и др. 2005–2009, с. 224). Достаточно спорным является также тезис о том, что ЯКИО оказала мощное воздействие на процесс культурной трансформации Европы (Harrison, Heyd 2007, p. 194–201; Демченко 2013, с. 153). Возникновение синкретичных ямных анклавов в различных местностях Балкано-Карпатского ареала могло быть связано с продвижением к источникам металлов и установлением не только тесных контактов с местным населением (что отразилось в погребальных обрядах), но и отношений обмена природными ресурсами. Процесс расселения был постепенным и поэтапным, в нем участвовали сравнительно небольшие группы населения, в которых доминировали, судя по данным антропологии, лица мужского пола. Это и определило включение мигрантов не только в экономическую, но и в социальную жизнь населения местных культур – вероятно, во многом через брачные связи.

Никитин Алексей Геннадьевич, д.б.н., археогенетик, проф. университета Grand Valley State University в штате Мичиган, США

Взгляд генетиков. Археологи чаще всего могут фиксировать проявление инноваций в материальной культуре. Но перемещение артефактов не всегда связано с перемещением населения. Казалось бы, более определенные ответы могут дать антропологи и генетики, реконструируя продвижение на другие территории носителей определенного антропологического типа или генетических мутаций. Но полученные выводы достаточно противоречивы, на что уже обращалось внимание (Клейн 2016, 2017 и др.). Данные генетиков о связи восточного крыла носителей ЯК («самарских ямников») с группами культур шнуровой керамики (КШК), казалось бы, подтвердили выводы, имеющие многолетнюю историю: именно миграции «ямников» в Центральную и Северную Европу привели к её индоевропеизации и изменению генофонда (рис. 1; 2). Но вне поля зрения генетиков осталась территория многих регионов ямной культурно-исторической общности, которая не является однородной: именно различия в материальной культуре способствовали выделению в ней отдельных локальных вариантов и культур.

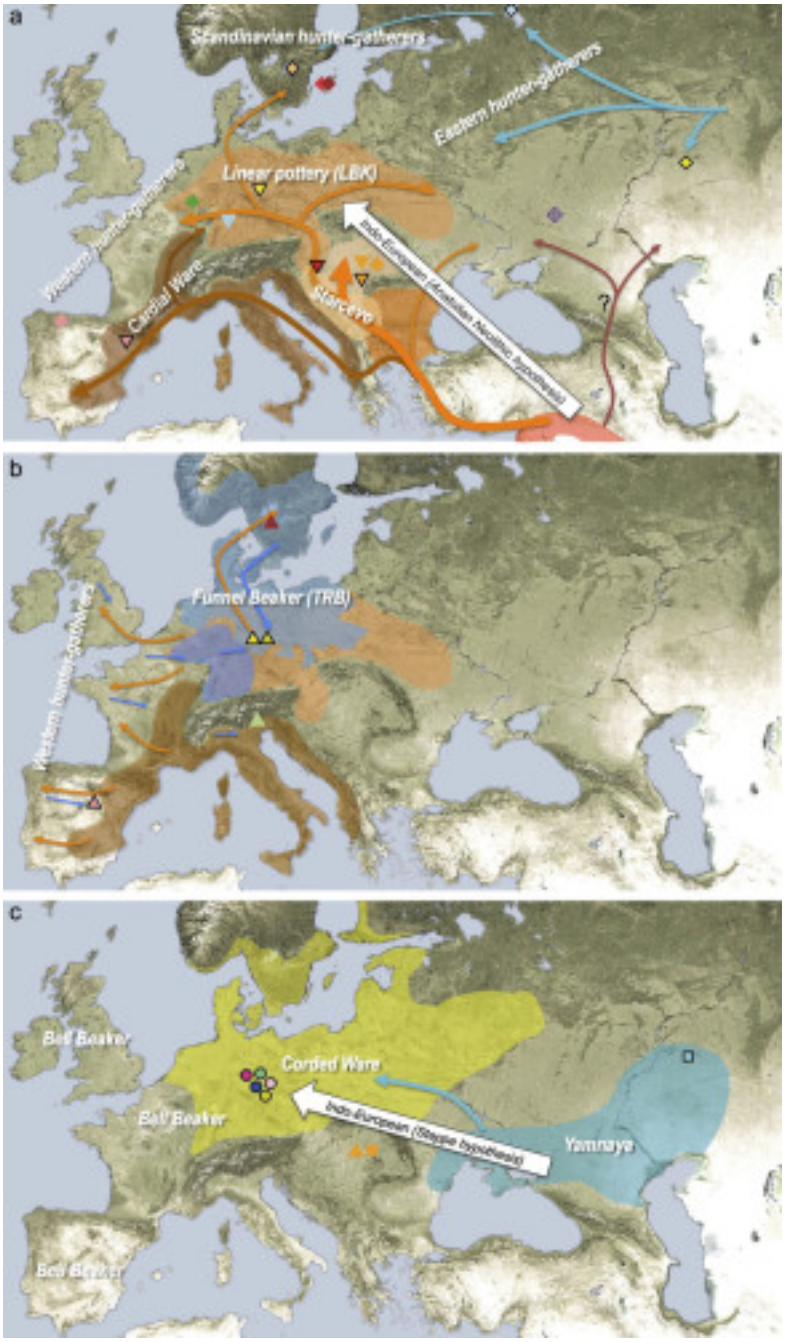

Рис. 1. Предполагаемые маршруты миграций по данным генетики (по: Haak et al 2015).

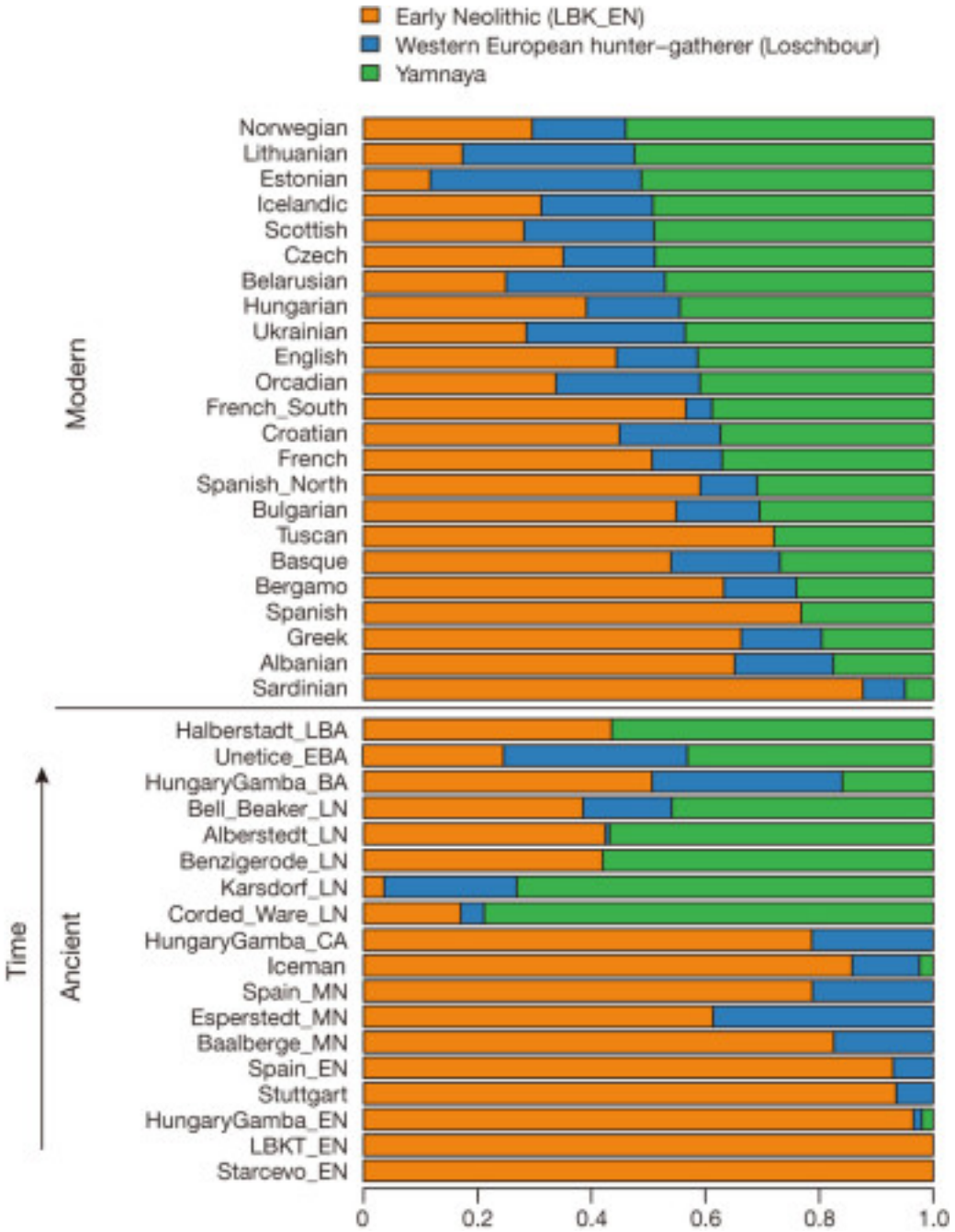

Рис. 2. Соотношение генетических компонентов у древних и современных народов (по: Haak et al 2015).

С точки зрения генетики существует факт наличия общих генетических детерминантов у населения ЯК и культуры шнуровой керамики (КШК). За время после выхода статей, показавших эту связь (Allentoft et al. 2015; Haak et al. 2015; Mathieson et al., 2015), в обсуждениях этих результатов генетиками и археологами укрепилась идея, что причиной этой связи служит происхождение культур шнуровой керамики от ямной. Идея эта развивалась параллельно с основной идеей о массовой миграции представителей ЯК в Европу (Haak et al. 2015). Проблема в том, что с археологической точки зрения ни эта массовая миграция, ни происхождение «шнуровиков» от «ямников», не прослеживаются. Тем не менее, если нет оснований говорить о масштабных миграциях, необходимо объяснить выводы генетиков о сходстве по генофонду населения культуры шнуровой керамики Европы с носителями ЯК и ряд других вопросов.

Рис. 3. Погребение 43 могильник Варна I (по: Fol, Lichardus 1988: Abb. 24).

Согласно генетическим данным, общий генетический элемент в ЯК и в КШК начинает прослеживаться у представителей хвалынской культуры из южного Урала (Самара) в энеолите (Mathieson et al. 2015). До его появления генетической подосновой в Понто-Каспийской степи являлись детерминанты на основе местного мезолита, по большей части сходные у хвалынцев (Eastern Hunter Gathers, EHG) и культур, оставивших после себя могильники мариупольского типа (Ukraine Mesolithic, UM (Mathieson et al. 2017). В начале энеолита в Самарской степи и в Днепровском надпорожье появляется генетический элемент иранских неолитических земледельцев с примесью кавказского элемента охотников и собирателей (Caucasus Hunter Gatherer, CHG), но один от другого отделить не всегда возможно. Этот элемент становится преобладающим у самарских и нижнеднепровских ямных племен в раннем бронзовом веке. Одновременно этот элемент появляется и в юго-западном Причерноморье (энеолитический некрополь Варна I, 4600-4500 до н.э. (рис. 3) и некрополь бронзового века в Медникарово, юго-восточная Болгария, 3000-2900 до н.э., Mathieson et al. 2017). В то же время в медникаровской и нижнеднепровской (Озера) пробах также присутствует генетический элемент, характеризующий неолитических земледельцев Анатолии и Европы. Происхождение ирано-кавказского элемента и начало (и локализация) его появления в Понто-Каспийской степи остаётся неясным, но ясно то, что этот элемент присутствовал на всем степном ареале от Самары до Варны по крайней мере с энеолита. Неясно также и появление анатолийского земледельческого элемента у ямного населения юго-восточной Болгарии и Украины.

Почему Причерноморье?

В статье проанализирована археологическая и культурная ситуация в Северо-Западном Причерноморье в позднем энеолите-раннем бронзовом веке (рис. 4; 5; 6). Этот регион выбран не случайно – именно он, судя по археологическим артефактам, теснее других был связан с миром Центральной Европы и Балкано-Карпатским ареалом в позднем энеолите и раннем бронзовом веке (рис. 7; 8). Следовательно, в нем могут быть найдены ответы на наиболее актуальные вопросы, посвященные гипотетическим миграциям. Авторы присоединяются к мнению ряда исследователей, определяющих бронзовый век, как век торговли (Kristiansen, Larsson 2005) и отмечающих тенденцию построения торговых сетей, с локализацией социально значимых объектов в «узлах» этих сетей (Jaeger, Czebreszuk 2010, s. 232; Иванова, 2010). Поэтому концепции миграций и переселений, возродившиеся в последнее время, должны уступить место иным, не столь радикальным. Авторы работы полагают, что население Европы в энеолите и бронзовом веке активно осваивало торговые пути, связывающие, порой весьма отдаленные территории, передвигаясь в различных направлениях – и возвращаясь, возможно, не в полном составе, в места изначального обитания.

Рис. 4. Поздний энеолит Северо-Западного Причерноморья (по: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (ред.), 2013)

Рис. 5. Ямная культура и её окружение (по: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (ред.), 2013)

Рис. 6. Катакомбная культура и её окружение (по: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (ред.), 2013)

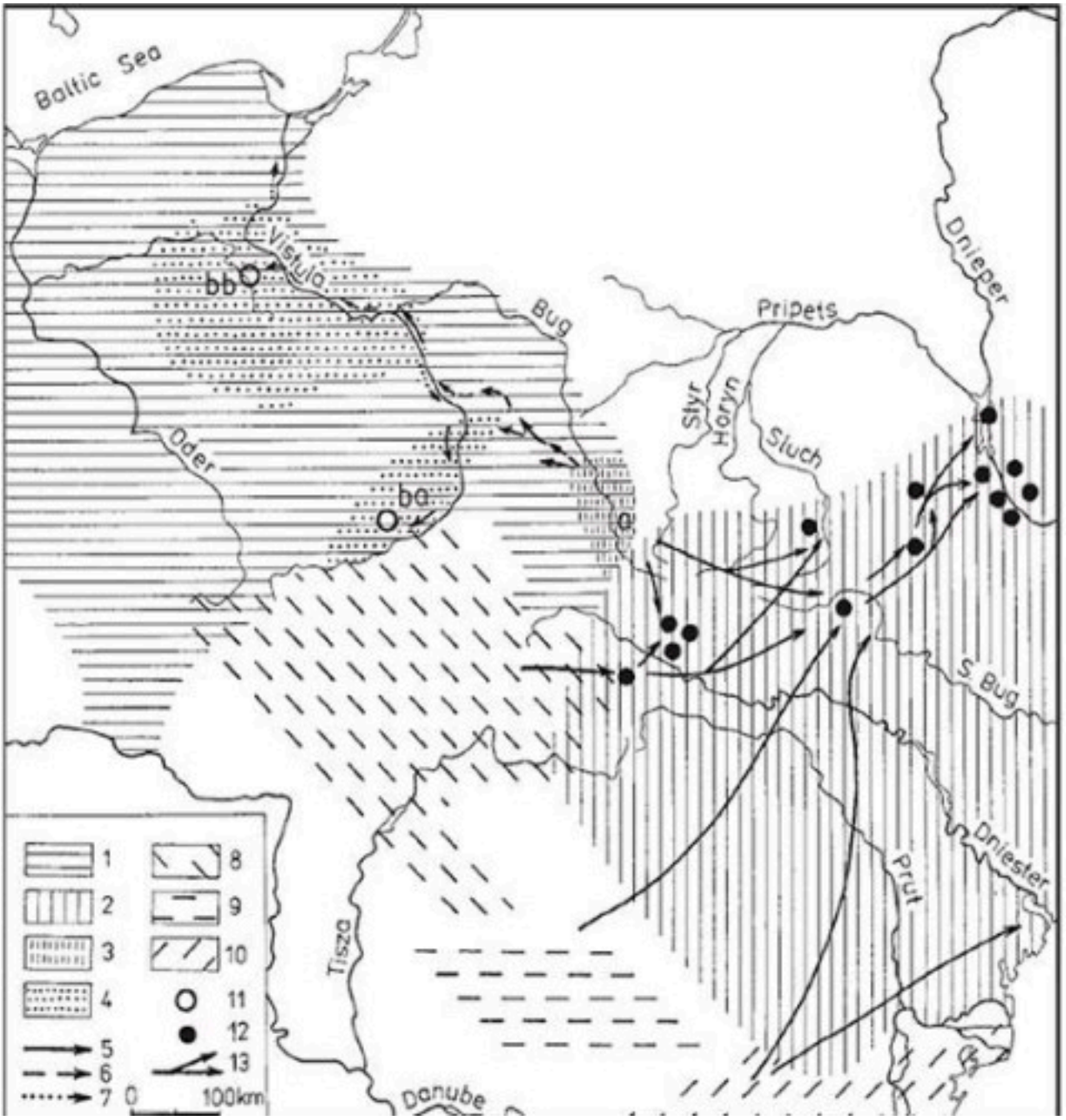

Рис. 7. Культурные взаимодействия в период 3500-2750 ВС 1 – КВК, 2 – культуры позднего Триполья, 3 – трипольское влияние, 4 – распространение трипольских образцов; 5 – пути инфильтрации трипольских образцов, 6 – предполагаемые пути инфильтрации образцов, 7 – культурный комплекс Mątwy, 8 – культура Баден, 9 – культура Коцофени, 10 – культура Чернавода, 11 – центры регионов, 12 – местонахождения Триполья с западными традициями, 13 – предполагаемые пути инфильтрации культур Центральной и Южной Европы. (по: Videiko 2000).

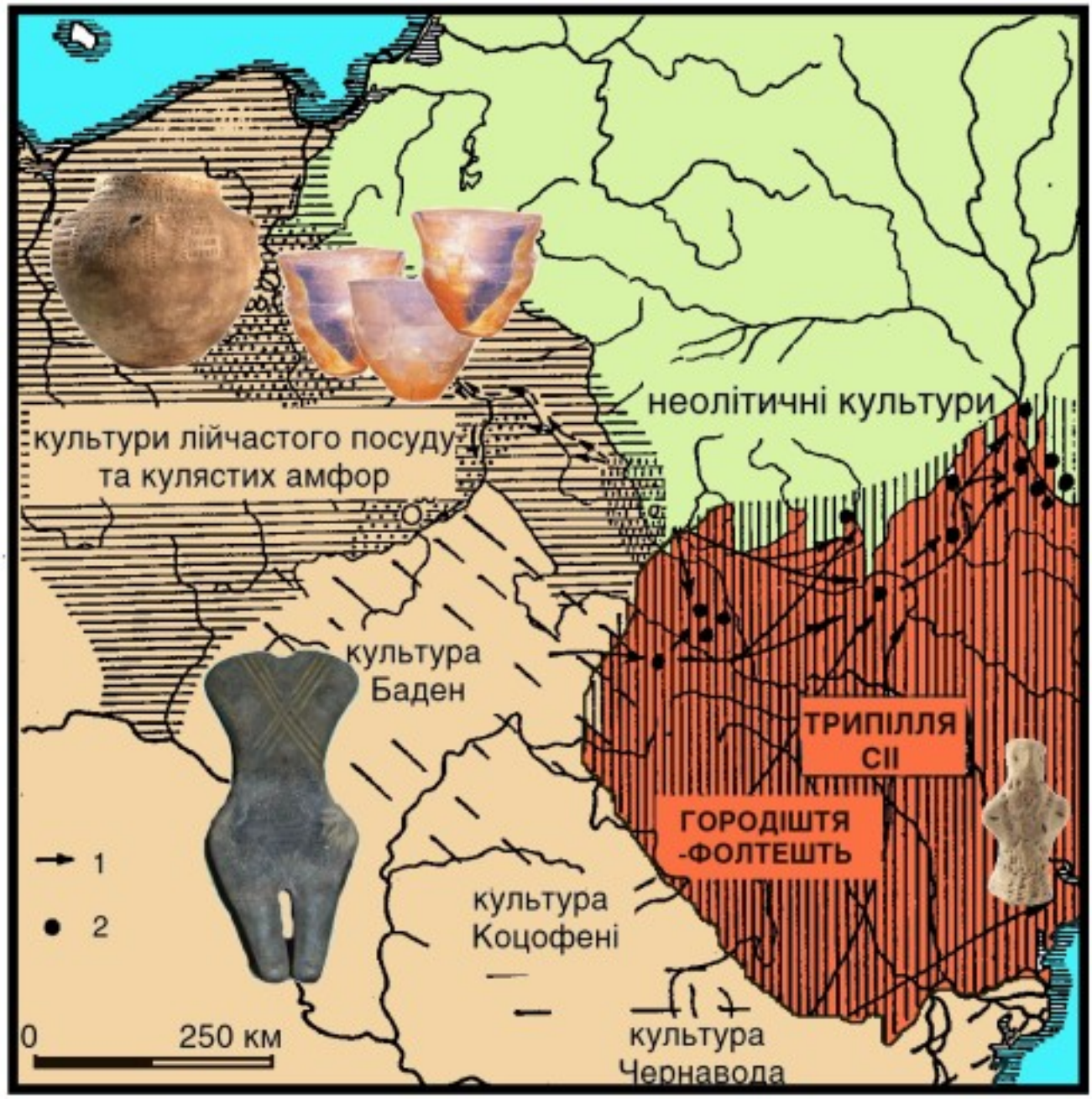

Рис. 8. Культуры позднего Триполья на западе Причерноморской степи (карта выполнена М.Ю. Видейко).

На фоне рассмотренных проблем анализируются данные антропологии и генетики. Одним из соавторов (А.Г. Никитин) предлагается возможное объяснение ситуации с точки зрения генетики.

МИГРАЦИИ, ИХ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Миграции (и другие варианты передвижения населения), торговля и обмен, трансферт технологических или определенных культурных традиций являются своеобразными формами межкультурных контактов в любую историческую эпоху. Долгое время в археологической науке существовал подход, согласно которому любые инновации объяснялись миграцией, появлением новой группы населения, принесшей с собой новые элементы материальной культуры, новые навыки хозяйства и производства, новые мировоззренческие компоненты. Со временем роль миграций была пересмотрена.

Типы миграций

Е. Неуступный, рассматривая миграцию с позиций постпроцессуальной археологии, моделирует внутренние ее структуры, которые, в отличие от внешних, не проявляются в археологических артефактах (Neustupný 1982, s. 278–293). Он отмечает важность для человеческих коллективов создания социальных связей и формирования определенных социальных сетей, без которых любой социальный организм оказывается в изоляции со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Межобщинные контакты, по его мнению, шли по нескольким направлениям:

1). Экономические отношения через обмен товаров или выполнение работ;

2). Общественные отношения через браки, и войны (что приводит к тому, что люди становились членами семьи, союзниками или врагами);

3). Отношения с остальным миром через ритуал. В этом случае погребальные ритуалы отражают «установление» социальных связей с предками и включение их в общие социальные сети, поскольку предки представляли собой специальную и очень важную группу из «иного мира».

Экономические отношения с другими общинами сосредоточены на создании социальных связей; их мотивацией была необходимость получения природных материалов или артефактов, хотя реальная потребность в таких вещах могла быть минимальной. Экономические и социальные связи создавали стабильность в обществе, были условием непрерывности подавления «нежелательной изменчивости» и вносили изменения туда, где они необходимы. Миграции всегда связаны с разрывом всех социальных связей, поэтому представить себе немотивированную миграцию просто невозможно. Причем не только были бы разорваны все социальные связи, но и возникли бы серьезные трудности, как у мигрантов, так и у населения, на чьей территории оказались пришельцы в результате миграции. Единственный вид миграции, корни которой лежат вне социального мира – это миграция как результат природного явления в виде неконтролируемого роста численности населения. Причем даже в этом случае миграция не будет обязательной, чаще всего общество реагирует на различные демографические и природные (экологические) события путем адаптации (Neustupný, 1982, s. 286)[1]. Таким образом, доминирующее значение для развития социального организма имели социальные связи, миграция (как переселение коллектива) могла быть отражением стрессовой ситуации при невозможности адаптации.

По мнению С. Кадрова, миграция представляет собой политический и социокультурный факт. В основе миграций лежит социологический фактор, при этом мотивы действий человека формируются культурой и историей, а не прямым воздействием природных или экономических предпосылок. Природная среда (климатические изменения) могла быть лишь одной из необходимых предпосылок миграций человеческих коллективов, но никак не достаточной, потому что они определяются, в первую очередь, социальными механизмами. Концепцию, согласно которой миграции степного населения повлияли на культурно-цивилизационную ситуацию в Центральной Европе в эпоху ранней бронзы, исследователь считает «научным мифом» (Kadrow, 2010 p. 55–57). Заметим, что влияние Степи на европейские культуры подвергалось сомнению уже достаточно давно (Häusler 1996; Николова Л., 2000).

Таким образом, миграция может казаться простым объяснением инноваций лишь в области реконструкций, но не в реальной жизни.

Миграции идей?

Но с другой стороны, бытует расхожее мнение о том, что бронзовый век Европы характеризуется «не миграцией людей, а миграцией идей». Так ли это? Далеко не все идеи могут быть распространены без носителя информации. Например, достаточно простым является восприятие традиций орнаментации или формы керамики. И в то же время передача знаний металлургических технологий или календарно-астрономических методов невозможна без контакта с человеком, обладающим определенными знаниями. Точно так же антропологический тип или генетический маркер не может распространятся без своего физического носителя – человека. Мы полагаем, что сопоставление данных археологии, антропологии и генетики позволит в некоторой степени пролить свет на появление инноваций, формирование и распространение культур и возможных контактов их носителей. Отметим, что вопросы происхождения, развития и хронологии (рис.9) ряда культур дискуссионны и не решены к настоящему времени, тем не менее, мы считаем, что отказываться от привлечения их к анализу не следует [2].

Рассмотрение культурно-исторических процессов, происходивших в Северо-Западном Причерноморье на протяжении длительного хронологического периода (мезолит-бронзовый век) может явиться своеобразным «тестом», позволяющим в какой-то степени привести данные разных наук к общему знаменателю.

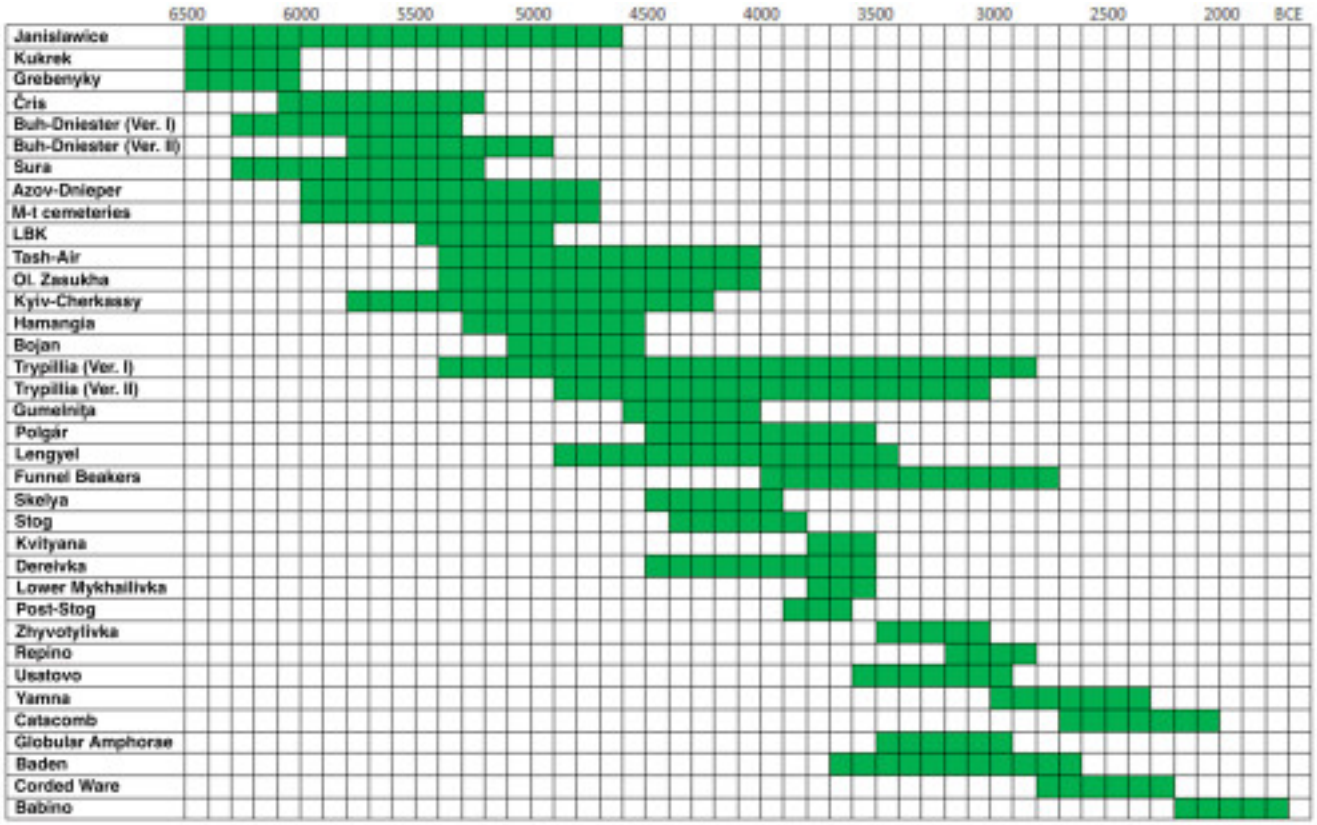

Рис. 9. Хронологическая шкала культур Северного Причерноморья в VII-II тыс. до н.э. (датировка культур по: Толочко та ін., 2008). Рисунок из статьи Nikitin et al., 2017a.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Под археологической культурой мы, вслед за А.Л. Монгайтом, понимаем совокупность памятников, которые расположены на определенной территории, относятся к одной хронологической эпохе и имеют общие черты (Монгайт, 1967). Под культурно-исторической областью/общностью (КИО) понимается группа родственных культурных групп (культурных вариантов, культур), которые объединены значительной территорией, родственной материальной культурой, хозяйственным укладом и социальным строем, а также общими путями развития (Формозов, 1959).

На самом деле, все несколько сложнее.

Археологическая культура — что это?

В контексте работы особо актуальными оказались связи носителей ЯК и КШК. Обе культуры на самом деле являются культурными общностями, состоящие из отдельных культур (КШК) или культур и культурных групп/локальных вариантов (ЯКИО). Соответственно, нет смысла предполагать этническое и генетическое однообразие внутри каждой общности. К тому же давние и многолетние споры о соответствии (или не соответствии) археологической культуры и этноса не привели к выработке единого решения. Не менее сложен вопрос и с археологической культурой как таковой. Понятие “археологическая культура” ỳже понятия культуры в целом, включающего в себя все, что создано человеческим обществом, кроме того, существует значительное количество определений этого понятия. Археологическим остаткам присущи специфическая природа и принципиальное отличие от результатов деятельности реально функционирующих обществ (Захарук 1975, с. 4-6). Археологические культуры (крупные общности археологического материала, выявляемые территориально и разграничиваемые на карте) далеко не всегда совпадают с общностями этническими – народами, племенными группами. Причем не только в границах, но и в содержании (Клейн 1978, с. 52). В научных работах археологическая культура выступает то как совокупность материальных остатков, то как живой и действующий социальный организм. Все же следует признать, что археологическая культура – это не прежняя историческая действительность, а плод наших интеллектуальных усилий по упорядочению археологических источников и их исторической интерпретации (Смирнов 2003, с. 13-14). Понятие “археологическая культура” в какой-то степени искусственное. И не по той причине, что мы не знаем самоназвания стоящего

за ней человеческого коллектива, его структуру, язык, обычаи и т.п. А потому, что условны (а, возможно, недостаточно разработаны) критерии, по которым выделяются археологические культуры. Это приводит к различному пониманию одной и той же культуры различными авторами. Обычно основой выделения археологических культур является материальный комплекс, чаще всего – керамика, реже – другие артефакты. При этом сведения, дошедшие до нас, зачастую деформированы: в ряде случаев одни культуры представлены исключительно бытовыми памятниками, другие – погребальными. Последние имеют свои особенности: это закрытые комплексы, сознательно формируемые людьми, совершающими погребальный ритуал. Поэтому заложенная в них информация, в основном, отражает мировоззренческие и социальные аспекты бытия. Этнокультурная специфика выражена слабее: порой отнесение погребений к определенной культуре является весьма затруднительным, даже при наличии инвентаря. Неизбежно возникает вопрос: правильно ли мы делаем, когда за общими чертами в предметах материальной культуры видим отдельные социальные организмы древности?

В последнее время в археологии наметилась тенденция к пересмотру сущности целого ряда европейских культур энеолита и бронзового века. Были поставлены вопросы о принципах их формирования, сущности этих культур и роли миграционных процессов.

Трипольская культура (ТК) и культура воронковидных кубков (КВК)

Обратимся к трипольской культуре (ТК), или Триполье-Кукутени, которую современные румынские археологи именуют Precucuteni-Cucuteni-Trypolie (Lazarovici, Lazarovici 2010: 86). Предложено выделить «хронологический горизонт Прекукутень», как часть культурного комплекса Прекукутень-Ариушд-Кукутень/Триполье, в целом соответствующего фазе Триполье А (по периодизации Пассек) (Ursu 2016). Таким образом, некогда единая ТК распалась не только на культурные группы, но и на горизонты, оказавшись сложным социальным организмом, к которому стали применять термин «цивилизация» (Відейко 2003).

Структурно подобную картину рисуют и специалисты по культуре воронковидных кубков (КВК). Так, М. Фурхольт отмечает, что использование концепции культуры по-прежнему ограничивает способность объяснять социальные явления, происходящие в пространственно-временном пространстве КВК. Замена понятия «культура» на «комплекс» похоже, решает эту проблему на очень поверхностном, номинальном уровне. Наиболее очевидный недостаток концепции культуры – интерпретация археологических культур как единых социальных групп с общим образом жизни в определенной географической области. Сравнивая различные культуры, исследователи не задумываются о том, правильными ли были критерии их разграничения. Общая концепция комплекса КВК в европейском масштабе, очевидно, является следствием определенных событий в истории исследований, переоценивающих специфические черты керамики, ставшие определенным маркером или эмблемой культуры. Сопоставление именно «эмблематических» форм посуды в качестве аргумента любого рода сходства и связей отдаленных территорий (например, восточная Швеция и юго-восточная Польша) приводит к неверным выводам и заблуждениям. Проанализировав различные проявления КВК (поселения погребения, материальную культуру, систему хозяйства) автор пришёл к выводу о том, что термин КВК необходимо рассматривать как обозначение археологического периода времени в определенном пространстве. Он не может обозначать единицу или группу социальных явлений или материальных остатков (Furholt et al. 2014, p. 17 – 26).

Культуры шнуровой керамики (КШК) и колоковидных кубков (ККК)

Анализ радиоуглеродных и дендрохронологических дат центральноевропейских культур шнуровой керамики (КШК) позволил этому же исследователю реконструировать процесс их формирования и осветить проблемы так называемого «A-Horizon». Оказалось, что керамические формы развиваются раньше в Польше, чем в западной и южной части Центральной Европы, где происходит формирование основных черт погребального ритуала. Это указывает на распространение культурных особенностей через широкую коммуникационную сеть, а не через миграцию (Furholt 2003). Этот же исследователь пересматривает различные компоненты одной из наиболее мощных культур европейского бронзового века – Баден – и ставит вопрос о том, что же она из себя представляет– определенный керамический стиль, культуры или население (Furholt 2008). Культуру колоколовидных кубков (ККК, поздний энеолит – ранний бронзовый век Западной и Центральной и Центральной Европы) уже достаточно давно считают не единой культурой, а «традицией колоколовидных кубков». Исследователи рассматривают её как культурный «пакет». Важным элементом этого пакета должен был быть ритуал возлияния, в котором использовался колоколообразный кубок. Остальные элементы этого пакета, такие как набор для стрельбы из лука или кинжал, принадлежат к различным сферам жизни: войне и охоте. Предполагается, что характерные артефакты комплекса вполне могли послужить символом статуса новой элиты, чье присутствие стало яснее в эпоху ранней бронзы. Такие теории указывают на ККК как на важную часть длительного процесса, который сформировал касту воинов в обществах поздней доисторической Европы (Kunst 2001). Распространение традиции ККК связывают с массовыми торговыми контактами эпохи раннего бронзового века (Czebreszuk 2004).

Ямная культурно-историческая общность (ЯКИО)

Особенно рельефно выступают все эти противоречия при рассмотрении феномена, традиционно обозначаемого как ямная культурно-историческая область (общность). Один из соавторов работы ранее уже обращался к данному вопросу (Иванова 2006). Группы энеолитического населения, проживавшие на всей территории сформировавшейся впоследствии ЯКИО, имели не только разную материальную культуру, но и придерживались разных погребальных традиций. Это свидетельствует не только об этнокультурных особенностях, но и о разнице в духовной культуре, мировосприятии отдельных племен. Последовавшая унификация погребальной обрядности на огромной территории в эпоху ранней бронзы отразилась в археологических реалиях, что и привело к конструированию ямной культуры (области, общности). Этому способствовала и неразработанность самой концепции археологической культуры, о чем упоминалось выше. Наблюдаемое в эпоху ранней бронзы определенное ритуальное единство указывает, прежде всего, на духовную общность населения. Тем не менее, ЯКИО в различных регионах имеет разную подоснову, разные антропологические типы, различный хозяйственно-бытовой уклад, различную материальную культуру, разные векторы этнокультурных связей. Основополагающими при включении памятников в ЯКИО являются, прежде всего, признаки мировоззренческого уровня, отраженные в единообразии погребального ритуала**.** Черты материальной культуры на всей территории имеют определенные отличия, что проявилось, прежде всего, в керамике (рис. 10-18)[3]. Отразившись в археологических реалиях как единство, унификация погребальной обрядности, “новая идеология” стала основой для выделения культуры или культурной области /общности.

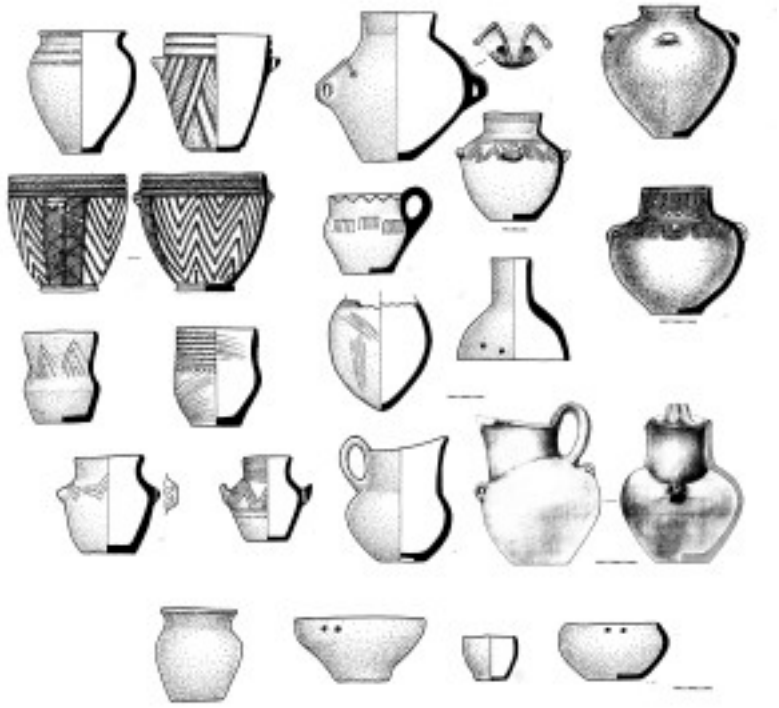

Рис. 10. Керамика буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья.

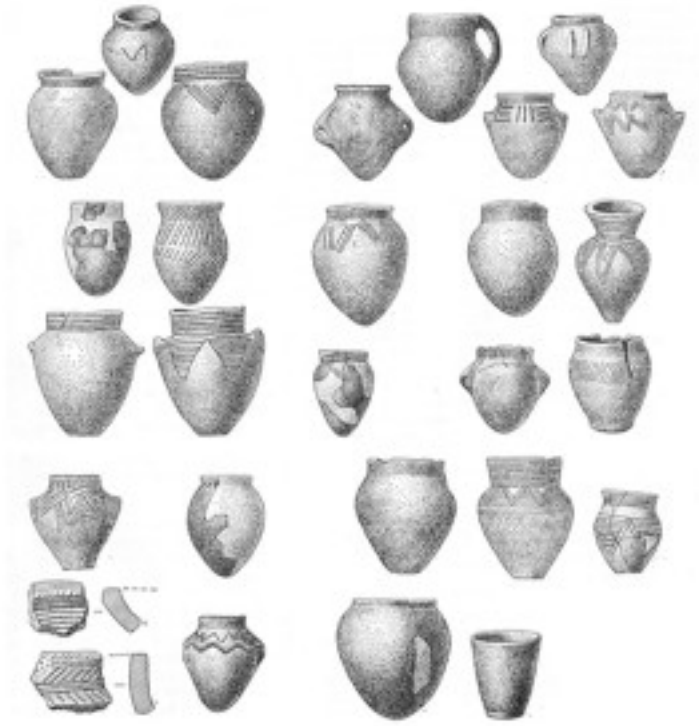

Рис. 11 Керамика ЯК Буго-Ингульского междуречья (по: Шапошникова, 1985).

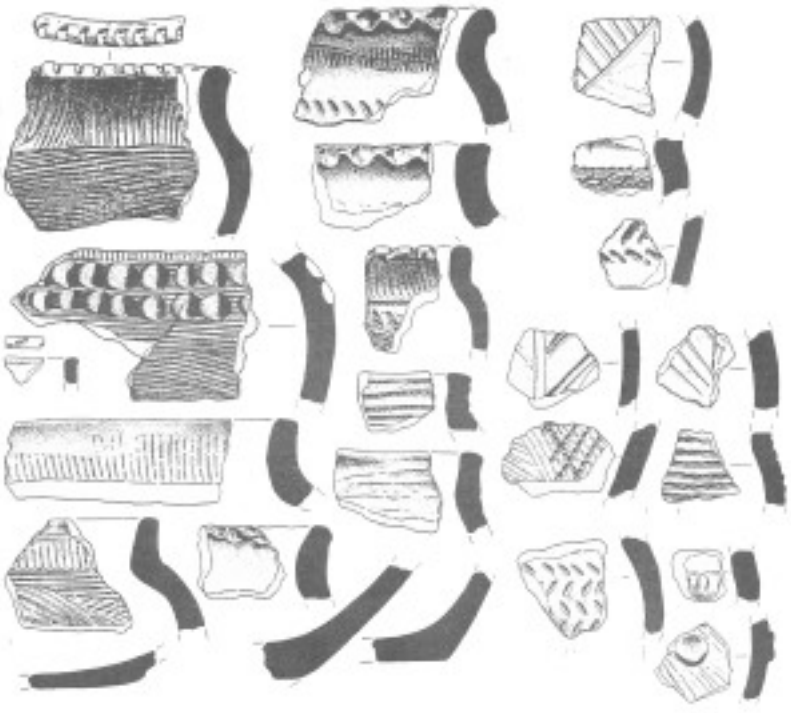

Рис. 12. Керамика с поселения ЯК на острове Десятина (бассейн Днепра) (по: Сыволап, 1999).

Рис. 13. Керамика ЯК Днепро-Донецкого междуречья (по: Шапошникова, 1985).

Рис. 14. Керамика ЯК Волго-Уральского междуречья (по: Мочалов, 2009).

Рис. 15. Сосуд ЯК Днепро-Бугского региона (фото М. Видейко)

Рис. 16. Сосуд ЯК Днепро-Бугского региона (фото М. Видейко)

Рис. 17. Сосуд ЯК Днепро-Бугского региона (фото М. Видейко)

Рис. 18. Чаша ЯК, поселение Михайловка (фото М. Видейко).

Для захоронений буджакской культуры Северо-Западного Причерноморья имеется около 40 достаточно корректных радиокарбонных дат (рис. 19), они позволяют датировать буджакские памятники региона в диапазоне 3400/3200–2200/2100 ВС (Иванова, 2009), что, в целом, соответствует хронологической позиции ямных памятников Украины. (Пустовалов и др. 2003; Telegin et al. 2003, 150). Анализ дат по регионам, проведенный Ю. Рассамакиным и А. Николовой, показывает, что в регионе Донец – Северо-Западное Приазовье представлены наиболее ранние даты (3380-2880 ВС), (Rassamakin, Nikolova A.V., 2008). Однако связаны они с погребениями репинского типа. Памятники ЯК междуречья Южного Буга и Ингульца оказались самыми молодыми (2600 — 2200 ВС). На данный аспект ранее обращали внимание Е.Н. Черных и Л.Б. Орловская (Черных, Орловская 2004).

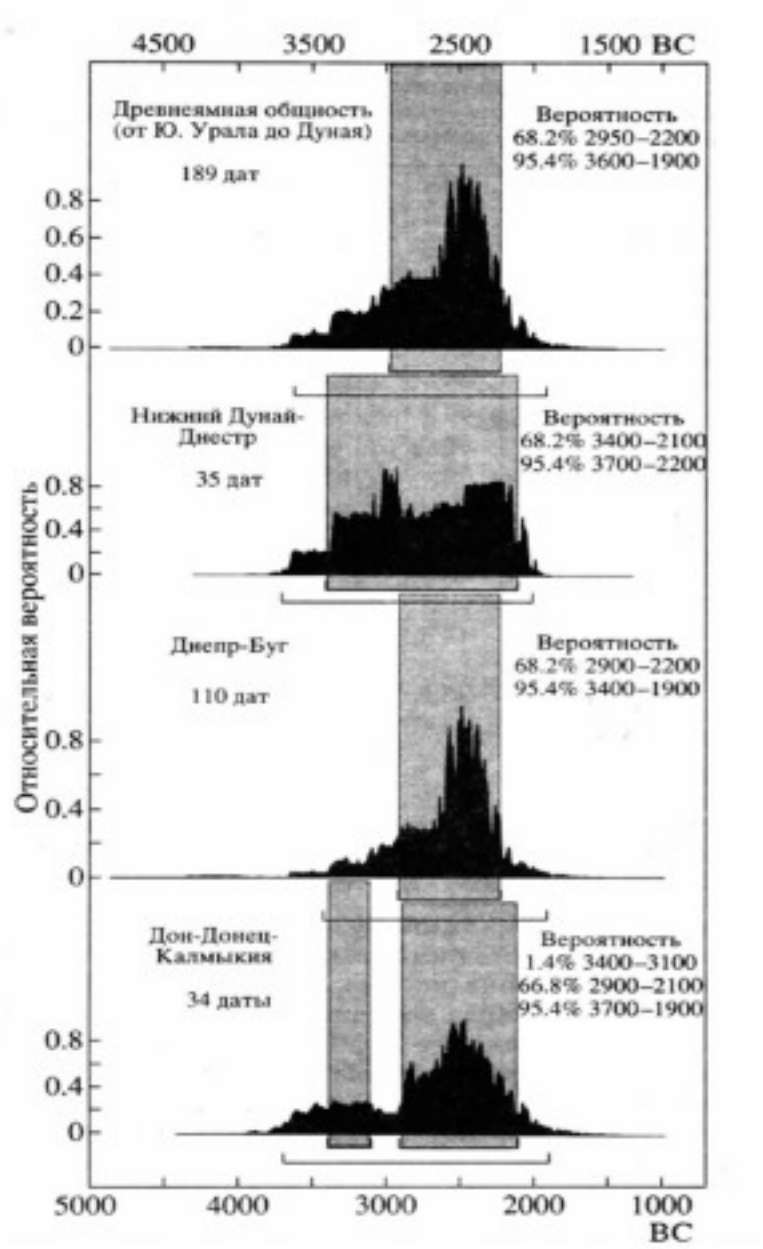

Рис. 19. Радиоуглеродные даты ЯКИО (по: Черных, Орловская, 2004).

Важно, на наш взгляд, что для восточной периферии (Заволжье и Зауралье) хронологические рамки ЯКИО удревнены за счет включения в неё памятников репинской культуры, отличной от ямной. Они датируются в пределах 3800-3300 ВС (Моргунова 2014, с. 585-591). Соответственно, собственно ямные памятники восточного ареала синхронны памятникам западного.

Такая ситуация еще раз подчеркивает сложность и неоднозначность феномена «ямная культурно-историческая общность», поскольку невозможно формирование культуры в периферийных регионах и продвижение к центру занимаемой территории. Хронологические данные указывают и на несостоятельность концепции зарождения ЯК в Волго-Уральском регионе и продвижении ее на запад. Антропологический состав населения ЯК был весьма неоднородным. Таким образом, говорить о нашествии ямных племен с территории “ядра культуры” – с Поволжья – нет оснований. Для более восточных территорий распространения ЯК (Нижнего Поволжья, Северо-Западного Прикаспия) характерен, в основном, брахикранный, с широким и низким лицом, антропологический тип, на Украине компактно не представленный (Круц 1997). Напротив, можно проследить «средиземноморский импульс», который постепенно угасает по направлению к восточному ареалу. Сравнительно недавно средиземноморский тип прослежен даже в ЯК Южного Приуралья, на позднем ее этапе, наряду с распространенным там протоевропейским мезокранным, долихокефальным и уралоидным типами (Хохлов 2003). Но в целом говорить о массовых миграциях носителей ЯК ни с востока на запад, ни с запада на восток не приходится. С.И. Круц считает, что почти все антропологические типы энеолита и бронзового века Украины имеют местные, но разные корни. Динамика развития их во времени не дает возможности утверждать какое-то массовое переселение народов на этом историческом этапе, за

исключением местных перемещений (Круц 1997).

Хронологическая неравномерность распределения черт ЯК в пространстве (более молодые даты в центральной части, одновременные – в восточном и западном ареалах) могут быть объяснены тем фактом, что ЯКИО не является культурой в её традиционном понимании, а определенным мировоззрением, проявившимся в погребальной обрядности. А мировоззренческие традиции могут распространяться по иным законам, нежели миграции населения. Которые, кстати, не подтверждены антропологическими данными.

[1] Выводы Е. Неуступного подтвердились более поздними исследованиями. Например, изучение структуры поселений в южной Словакии в неолите-энеолите дало возможность выявить корреляцию между климатическими изменениями и изменением в социально-политической структуре, что проявилось в изменении моделей поселений (Tóth et al., 2011, p. 318–319).

[2] Наше внимание направлено на реконструкцию культурной ситуации в Северо-Западном Причерноморье в энеолите и бронзовом веке. Вполне логично привлечение сведений, происходящих с других территорий. Мы ограничились лишь констатацией выводов и положений различных исследователей: ограниченный объем работы не позволяет их обсуждать или аргументировать

[3] О.Д. Мочалов, изучив керамику (в том числе технологию её изготовления, структуру и качество глин и т.п.) всего региона ЯКИО, пришёл к выводу о том, что при внешнем сходстве рисунков сосудов, они имеют существенную разницу в остальных параметрах. Выраженная граница между двумя обширными «технологическим» регионами проходит по линии Дон-Донец (Мочалов, 2008; 2009).